

Мамара

ШАБАРЕВИЧА

МЫ САМИ – РУБЕЖНЫЙ РЕЗЕЦ

ЛУБЕНКА

Не стрижи, не гуленьки
Вымеряли жизнь.
Обложили лубенки.
Лубенка, держись!

Замелькали вороны –
Без огня пожар!
Маленькая Родина,
Ты, как Жанна д'Арк!

На черта тот подданный,
Нолик за душой:
Нет без малой Родины
Родины большой!

Корабли за буи
С глуби не идут –
Корабли за бублики
Лубенку сдадут.

Что прочтёт Украина
В фишках новостей?
Имя, родом данное,
Выше всех властей!

Кем она охаяна?
Званьем не любя?
Айналайн, коханая
Лубенка была!

Пой, пока не сгублена!
(Петь, так всем селом!)
Лубенка-разлюбенка,
Степь да степь кругом...

ОТВЕРЖЕННЫЕ

Не преданы мы. И не проданы,
Не выболиной извело:
Подол прохудился у Родины
И выпали мы из него.
Нас тысячи тысячей выпавших –
О Господи, любо житьё!
Почто ты цепляешься, выкидыш,
За лоскуты юбок её?
Открыты границы под Шипово,
Открыты – на шёлковый путь!
Курлыкать ли птицам общипанным
И шеи на север тянуть?..
Гляди, как дрожит над соборами
Душа колоколен и свеч:
Чужбина у окон, у горла,
А хочется в Родину лечь.
Рассеется, смеется, сплачется.
Мы сами – рубежный резец:
Россия с креста начинается,
С отверженных ею сердец.

ПОСЛЕ ССОРЫ

Не сдержала весна рукава:
Лёд побитый, как банки и склянки!
Тяжела, тяжела голова,
Будто после гулянки.
На вопросы-торосы – ребром!
Урезон – динамитные шашки!
Оторвал стоголосый погром
Горизонт от рубашки!
Очумевший Урал укрощать?
Он в запалах вовек норовитый!

Наше женское дело – прощать,
 Забывая обиды.
 Наше женское дело – смягчать
 Норов буйной казацкой породы,
 Рубежи берегов расчищать:
 Топляки и колоды.
 Вяжут голуби: пережила!
 Кап-кап-кап – тишина с водостока...
 Тяжела голова, тяжела:
 Не поднимешь высоко.

КОЛОКОЛ

Сердце – в горку: тщишь – не тщишь,
 мир меняется.
 Нить в иголку, как и жизнь,
 не вдевается.
 Там, где колокол сиял,
 там, где колокол,
 Только облака овал,
 только облако...
 Верно, что и говорил –
 да не вымолвил.
 Может, шёпотом простил –
 душу вынули:
 Вот ей – Бог, а вот порог
 местной хроники.
 ...Сколько храмов у дорог –
 все покойники...

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Некому берёзку заломати...

(из песни)

Дождик гриппозный
 не ищет затишья.
 Что же берёзынькой
 млечной стоишь ты?
 Белую мглу
 не ухватишь за лоскут.
 ...Было кому заломати берёзку.

Горе в загуле
 прогнёт половички.

Горло прокурено
 клёкотом птичьим.
 Было кому
 подрезать по пруточку,
 Пылом-кадиллом
 листать по листочку.

Вскинутся кружки
 и грустные речи.
 Сдвинутся дружеским
 кругом безплечим.
 Равнолюбезны оскалу Отчизны,
 Были мы – Праздники.
 Стали мы – Тризны:
 Меряем меры
 земельною горстью,
 Старые стервы –
 берёзки, берёзки...
 Буде Прощёное нам воскресенье
 В среду к обеду в плаще разосеннем.

ПАМЯТНИК АБАЮ В УРАЛЬСКЕ

Есть время поэта,

Когда его нет...

В. Бузунов

1

Веет Вселенная пухом у плит,
 Выбрав для славы нещадное место.
 Неусмиранный ли дух усмирит
 Протуркестанскую площадь
 протестов?

Тут нестрахованный лёгкий погон
 Брал у Яика несчётные силы.
 Тут верховые потоки времён
 Каменных идолов к чёрту сносили!

Тут колыхало казачьи круги –
 Вольница бравая: «любо – не любо!»
 ...Кочкиным пиром на плаху легли
 Солнце и травы, и скорби Гекубы.

Чёрною бровью опальный форштат
 Не полоснёт чужака по забралу:

Буйную кровь закатали в асфальт,
Чтоб по весне не сбегала к Уралу.

Падать и падать кассандрам в ковыль,
Плакать и плакать, где плачи почили.
Царская арка – угарная пыль:
Смятая рать – облака кучевые...

2

...Вёслам не вязнуть на свете на том,
Вёснам не гаснуть на свете на этом,
Если возвёл на отлитый бетон
Век несогласного с веком поэта.

Храм без имама – без брода река.
Азы без Веды, как зёрна пустые.
Разум певца не обрёл кунака:
Медленно разумы зреют в пустыне...

Он говорил. Он ещё не сказал.
Стынут букеты цветов у подножья.
В горних бутонах трепещет запал:
Вынуть поэтово слово из ножен!

Неусмиранный ли дух усмирит
Неуспокойную площадь протестов?
...В скверике Пушкин – заезжий пиит,
Тоже устроен на лобное место...

БРАТАНОВСКИЙ ЯР

Вышитый заревом жар – самовар.
Утро. Скрипят под ногами цифири.
Вышел хозяин – Братановский яр –
Дуб в три охвата, а раны – в четыре...

Царственна жизнь
ни за жизнь – ни за страх.
В вершнях воркуют и шикают птахи.
Остов – ни живинки: жилы и прах.
Держится крона на жилах и прахе.

Скошенной хромкой
штaketник свербит.
В сломе играет сухая солома,
В здешней хороме никто не гостит,
Кроме Сияния Тихого Дона.

Старлица сердце никак не уймёт
Стон по больному Уралу трепещет.
Псевдоэкспедиция с флагом плывёт:
В волнах панаму Сейфулиной ищет.

Лето пасёт котелок на костре,
Ковшик излуки и шёпот растений.
Светопись всполохов
в лёгкой листве –
Может, Правдухин ушёл от расстрела?

Верно, тревожат Братановский брег
Пришлые люди и странные тени?
Егерь Алёша – святой человек –
Примет на грудь и оставит сомненье.

ЧЁРНАЯ МАРИЯ

Топор да выжиг –
три рубахи высохли –
Рвал поры человечья честный пот:
Табыньский личник

Лик из плахи вызволил,
Которому и вечность – не киот.

«Надежда Мира –
Свет и Утешенье»,
Нет позолотца –
словом золотил!

Черна его Мария –
углесженье...
Не пьют с лица, а богомаз испил!

Черна, черна: диаконы открестятся:
Сошлют куды-ть
в Табын-Богдо-олы...

В церковные пространства
не поместятся,
Кому святить вселенские углы.

Из Пустыни – в пустыню!
Вышла – выжила.
Тесак убойный – шрамами срослась!
Как будто это Русь
мощебульжная
Кромешною судьбой отозвалась.

– Гориньчи – для битв.
 Не для обители!
 От Яссови – Темновеликой речь
 Хор огорчила:
 «Не спасись молитвами».
 Благословила на Яике меч!

Иконе – плахе,
 знать, в откатах маяться:
 Китайский глаз таращит Чучугон –
 Не под её ль окладом
 подгибаются
 Лампасы уходящих за кордон?

Не на неё ль кресты, как бусы, вешает
 Погранголгофы смертный перевал?
 И не её ль
 в кусты бросают к лешему:
 – Ну, право слово, караул устал...

Тот смутный век,
 он не лютее лютого,
 Но всё меня терзают сквозняки:
 Мешок салютный
 с головою Дутова.
 Икона: (Ватикан: запасники?)
 Пропала.
 И по спасам не является
 Пригреть хоть на полмеры бытие,
 Укрыть Урал
 полрой солдатской старицы
 И умереть – так умер бы в тепле...

Обит-увит
 Мой город арабеской.
 А выше – вольной волею: бом-бом!

Где быть собору
 Александра Невского –
 Парит его невзорванный фантом!

Глас – в небосклон!
 А тишина, как с паперти,
 Прокатится тиыном подкидным.
 Табынская икона Божьей матери
 Темна лицом,
 откуда мы темны.

МОЛИТВА ДЕВОЧКИ ИЗ ТРИДЦАТЬ ГОЛОДНОГО ГОДА

Господи,
 слава-те, чем порадел:
 хлеб из крапивушки
 в чане заквашен.
 Господи,
 право-те: свет черно-бел,
 Господи,
 дай мне цветной карандашик!
 Высох наш край: ни слезинки в глазу.
 Кукла, и та ни одной не размажет.
 Господи!
 дай ей, тряпичной, слезу.
 Дай на слезу мне
 цветной карандашик.
 Страшно,
 как волчию ягоду съесть:
 годы в пригубе
 оскоминой вяжут.
 В небо бросаю гремячую смесь:
 – Господи,
 дай мне цветной карандашик!

МАРИНЕ

Звёздному следу поэта Марины Цветаевой быть, длиться. С жизнью своей она свела счёты сама. "Не вынесла", – напишет.

Самоубийц принято хоронить за церковной оградой. Цветаеву чужой атеистический город схоронил в пределах кладбища. Бесхозная могила с именовым колышком со временем исчезла. Марина исчезнуть не могла: "Дробясь о гранитные ваши колена, я с каждой волной воскресая!" Через пятьдесят лет после смерти по просьбе верующих

поклонников её Цветаеву отпели в Московском Храме Вознесения Господня. Но где же прибывала её душенька полсотни неприкаянных лет? Разве может быть ещё что-то страшнее, чем её жизнь?

В купели морской родилась.

И в полёте

Своём постоянно разбита.

Марина Цветаева

Ты воздух и пена,
Ты звёздная гостя,
Сторонний набросок пастелью!
Кто создан из глины –
Тем гроб на погосте,
А твой – на погост не пустили.

А твой – стоветрово
К началу Вселенной
Вломился сквозь лунную плоскость.
Обрывок верёвки
Торчал пуповиной земли
На неструганых досках.

Огромен, как атом,
Нелеп, неприкаян,
С единой боязнью: обрушить –
Когда проносил он

Над петелкой Камы,
Твою лебединую душу.

Твой прах неотпетый –
Ни Саду, ни Аду...
Над сверхохлаждённой Россией:
И в вечных мирах –
За церковной оградой.
Пока не простили,

Повинна:
Строку подбирала по звуку,
По слуху, по эху, по плахе.
Любимых – по року.
Судьбину – по крюку.
Разлуку – по смертной рубахе.

Откуда глядишь?
Где твоё пепелище?
Без сказа и стебель, и овод.
Ни dna ни покрышки –
Глаголет и плещет
Опасная степень свободы!

